

- biennale, vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Finuniversiteta, pp. 31–42 (in Russian).
- Shchepetova S.E. (2017a). Quality of life: The factors of the phenomenon of “shifting goals and functions” of socio-economic systems. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, no. 06-3, pp. 257–262 (in Russian).
- Shchepetova S.E. (2017b). Rigid organizational structures as a threat to quality management. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, no. 03-4, pp. 18–22 (in Russian).
- Shcherbakov G.A. (2016). The genesis and mechanisms to overcome systemic economic crises. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 2 (44), pp. 48–60 (in Russian).
- Smith A. (1776). *Wealth of Nations*. Book I, ch. 8.
- Uemov A.I. (1978). *System approach and general theory of systems*. Moscow, Mysl' (in Russian).
- Veblen T. (1921). *The engineers and the price system*. New York, B.W. Huebsch.

Manuscript received 20.11.2017

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНДИВИДУУМА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Д.А. Жданов

Одним из факторов, определяющих устойчивый поступательный рост государства, является координация задач экономического и общественного развития страны с индивидуальными целями, стоящими перед ее гражданами. В соответствии с традиционным взглядом человек, решая экономические задачи, выбирает вариант действий, приносящий ему наибольшую выгоду. Но такой подход не учитывает многочисленные факторы (от институциональных до психологических), воздействующие на реальный выбор. В работе предлагается расширить классический взгляд, проанализировать дополнительные параметры, влияющие на экономическое поведение человека, позволяющие направить его активность в общественно полезное русло. С этой целью предложена модель поведения, ориентированная на социально-экономическую эффективность, обеспечивающую уменьшение транзакционных (в широком понимании) издержек, и нацеленная на повышение общественной результативности, что позволяет сместить акценты с экономической эффективности к социальной экономичности. В рассматриваемой модели обращено внимание на влияние общественной среды, институционального и социально-экономического окружения на поведение человека. Такая среда способна направить

© Жданов Д.А., 2017 г.

Жданов Дмитрий Алексеевич, д.э.н., доцент, старший научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, Москва, djhdanov@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-02-00229).

принимаемые им решения не только на увеличение потребления, максимизацию экономической выгоды, но и на самоограничения, стремление к самоидентификации, координацию индивидуального поведения с требованиями и нормами общества. Отмечено, что предлагаемая модель экономического поведения задает траекторию поступков, ориентированную на выбор решений, учитывающих возможности личного экономического успеха в контексте общественной эффективности, снижения издержек социума, разумных норм потребления и нагрузки на среду. Она направлена на повышение коллективной эффективности и постепенное решение за счет отмеченных инструментов социально-экономических проблем страны в целом.

Ключевые слова: «человек экономический», модель экономического поведения, слабая рациональность, общественная эффективность.

JEL: A13, B52.

ВВЕДЕНИЕ. ОДИН ИЗ ИТОГОВ РЕВОЛЮЦИИ

В этом году исполняется 100 лет революционным событиям 1917 г., перевернувшим историю России, да и всего мира. В какой степени оказались достигнуты поставленные 100 лет назад задачи, насколько за это время наше общество стало социально справедливее, более экономически развитым и человекоориентированным? Обратим внимание только на часть таких итогов, близких теме настоящей статьи.

Поскольку наша страна существует в окружении других государств, которые ставили перед собой во многом близкие цели, но решали их своими способами, шли своими путями, то для ответа на поставленный вопрос попробуем кратко сравнить достигнутые нами итоги с их достижениями.

В результате такого анализа нельзя не отметить определенный экономический и социальный прогресс нашего Отечества, да и вообще сохранение государственности России, ее статуса как одного из ведущих между-

народных игроков². Однако следует отметить потерю Россией своего места в мире, отставание от развитых, да и некоторых развивающихся стран по многим экономическим и социальным показателям, растущее общественное неравенство, значительный разрыв между наиболее зажиточными и беднейшими группами населения, низкий уровень жизни большей части наших граждан, существенные дисбалансы хозяйственного развития³.

Давайте внимательнее посмотрим на мировые социально-экономические процессы, насколько экономически успешны и справедливо устроены общества других развитых стран? Неоднократно отмечалось, что современная экономика находится в тупике, подтверждением чему является череда социально-экономических кризисов и общественно-политических вызовов, которые так и не были успешно решены в условиях существующих рыночно- или государственно-капиталистических подходов и постиндустриального общества. В качестве глобальных характеристик указанных кризисов можно отметить межстрановое расслоение на богатый Север и бедный Юг, наличие в развитых странах сверхбогатого меньшинства и бедного большинства⁴, популистскую демократию,

² Под определением «ведущий международный игрок» автор подразумевает статус России как постоянного члена Совета Безопасности ООН, члена G20, а в свое время и G8.

³ Так, в 2015 г. в соответствии с данными Госкомстата экспорт минеральных продуктов составил 63,8%, а машин и оборудования – 7,4; рентабельность обрабатывающей промышленности в 2016 г. – 9,6; а деятельности, связанные с предоставлением коммерческих займов, – 119,9%.

⁴ Согласно данным управления Конгресса США по бюджету имущественный разрыв в богатейшей стране мира продолжает увеличиваться. Так, с 1979 по 2013 г. средние доходы 1% самых богатых граждан США выросли на 188% (с учетом корректировки на инфляцию), а 80% остального населения – на 18% (Долженков, 2017), что демонстрирует усиливающийся дисбаланс развития.

существенные глобальные экологические проблемы, в частности, генно-модифицированные продукты, идеалы безудержного потребления, вытекающие из стремления к безграничному обогащению⁵.

Можно утверждать, что такая ситуация соответствует фундаментальному положению экономической теории о стремлении экономических субъектов получать максимальные выгоды, целенаправленно выбирать решения, обеспечивающие им достижение наибольшей прибыли в складывающейся ситуации и предельной ожидаемой полезности. Эта основополагающая концепция, к формулировке которой подошел еще Адам Смит, легла в основу так называемой модели экономического человека, определила подходы к моделированию его поведения при принятии решений. Она стала метафизической базой классических экономических взглядов, описывающих глубинные мотивы экономических поступков людей, закономерности их поведения.

Но насколько это базовое теоретическое положение может служить основой дальнейшего долгосрочного и поступательного развития общества, обеспечить очевидный экономический и социальный прогресс? Судя по истории многих стран, в том числе и нашей, лишь в малой степени. В то же время революция 1917 г. как раз пыталась поменять эти приоритеты, учесть социальные запросы людей, положить в основу государственности иные принципы и создать на этой базе новую цивилизацию. Но цель оказалась недостижимой, а сделанные шаги привели, напротив, к многочисленным потерям и жертвам.

Но все ли так безнадежно, возможны ли другие, эволюционные варианты преобразований, которые могли бы все же продвинуть нашу страну по пути повышения общественной эффективности, привести к постепенному снижению болезненности отмеченных со-

циально-экономических проблем или хотя бы определить направления их решения? Попробуем дать свое видение путей решения этого вопроса.

«ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» VS «ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЗУМНЫЙ»

Попытку оценить удовлетворенность своей жизнью жителей различных стран приняла ООН, разработавшая соответствующую методику измерения. Для этих целей предложено использовать такой показатель, как всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index). Его рассчитывает действующий при Колумбийском университете исследовательский центр «Институт Земли» (The Earth Institute). Индекс учитывает и уровень ВВП на душу населения, и продолжительность жизни в стране, уровень социального обеспечения, отзывчивость (уровень поддержки со стороны родственников и друзей), свободу и уровень коррупции, т.е. набор различных социально-экономических факторов.

При всей спорности данного подхода и условности используемых показателей он демонстрирует определенные тенденции и закономерности. Так, в первую десятку рейтинга 2017 г.⁶ вошли Норвегия, Дания, Исландия, Швейцария, Финляндия, Нидерланды, Канада, Новая Зеландия, Австралия и Швеция – страны с традиционно сильной социальной ориентированностью, сделавшие ставку на инвестиции в социальную сферу, здравоохранение и образование. От них существенно отстали США (14-е место), Германия (16-е), Великобритания (19-е), Франция (31-е), Россия (49-е), Япония (51-е), Китай (79-е). Как можно видеть, экономическая успешность страны не гарантирует социальной удовлетворенности ее граждан.

⁵ Описание отмеченных проблем приводится во многих источниках, в частности в статье Г.Х. Попова «Уроки 1917 года для 2017-го» (Московский комсомолец. 2017. 22 февр. С. 4).

⁶ Используются данные, представленные на сайте исследования. URL: <http://worldhappiness.report> (дата обращения: 10.09. 2017).

В таком случае целесообразно рассмотреть мотивы поведения экономических субъектов с учетом влияния на их выбор социальных и институциональных факторов и на этой основе предложить подход, ориентированный на поступательное общественно-экономическое развитие. В рамках такого взгляда стоит отказаться от однозначного приоритета экономической выгоды как первопричины действий человека, учитывать наряду с ней социальные, административные, этические критерии, что позволит трансформировать классический экономический подход, дать его более развернутую и реалистичную трактовку. Такое видение фактически приводит нас к формулировке *иной модели* экономического поведения человека, иных ценностей или, другими словами, к переходу от экономической эффективности к *социальной экономичности*⁷.

Внимание к влиянию социальной среды, в которой действуют экономические индивидуумы, было всегда свойственно взглядам экономистов, принадлежащих различным школам и течениям. Так, связь экономики с социальными, психологическими и моральными факторами отмечалась еще отцами-основателями классического подхода⁸ (А. Смит, Дж. Миль, А. Маршалл), а также государственного регулирования (Дж. Кейнс). Этот взгляд развивался в рамках так называемых альтернативных подходов поведенческой⁹ (Г. Саймон, Р. Хайнер, Г. Беккер) и институци-

ональных (Т. Веблен, Д. Дьюи, О. Уильямсон) школ, а также гуманистической экономической теории (А. Этноци).

Так, в работе (Гринберг, Рубинштейн, 1998) отмечается: «...проблема гармонизации рационального поведения индивидуумов и максимизации благосостояния общества не может быть решена в границах атомарного экономического мировоззрения. Необходима его замена парадигмой социализации».

Внимание на действия «человека экономического» с привнесением в данную модель характеристик институционального окружения и особенности их совместного проявления обращается в (Ерзнкян 2013). В данной работе автор, в частности, отмечает, что влияние внешней среды, институциональных факторов исполняет роль своеобразного катализатора, усиливающего или ослабляющего врожденную склонность самого индивидуума к тому или иному типу поведения, выбираемым им способам взаимодействия (экономического или социального) с окружающими субъектами. В то же время, несмотря на постоянный интерес к влиянию на экономическое поведение индивидуумов институциональных, социальных, моральных и иных аналогичных факторов, значимой альтернативы модели «человека экономического», наглядно демонстрирующей закономерности его выбора, сформировать так и не удалось. В данной связи и с учетом научного и общественного запроса на развитие отличных концептуальных взглядов рассмотрим иной возможный подход.

В рамках отмеченной социальной экономичности существенное внимание уделяется общественной среде, влияющей на принимаемые человеком решения многочисленными способами – от нормативно-законодательных требований до морально-этических установок. Именно среда определяет предпочтения и возможности для самоидентификации индивида, позволяет ему понять свое место в социуме.

Создание внешней среды, созидающей социальную экономичность, может быть обе-

⁷ Под социальной экономичностью, взяв за основу подход, представленный в (Ерзнкян, 2013), будем понимать социально-экономическую эффективность, обеспечивающую уменьшение транзакционных (в широком понимании) издержек при одновременном усилении общественных связей.

⁸ Так, Адам Смит отмечал, что экономическую жизнь «невозможно понять отдельно от обычаев, нравов и устоев конкретного исследуемого общества» (Фукуяма, 2004, с. 31).

⁹ Нобелевский лауреат Гэри Беккер в работе (Беккер, 2000) четко обосновал необходимость учета психологических факторов при принятии экономических решений.

спечено путем построения соответствующего институционального окружения, социально-экономической сферы, которая бы формировала «адекватного» институционального человека. Иными словами, условного субъекта, который стал бы ориентироваться в своем поведении не только на мотивы расширения потребления, максимизации экономической выгоды, товарный фетишизм, но и на самоограничения, стремление к самоидентификации и справедливости, соответствие своего поведения требованиям и нормам общества, определяемым существующими институтами, сложившимися традициями и формируемыми здоровыми взглядами. Подобными исходными позициями могут быть нормы и ограничения стиля жизни, доходов, поведения, питания и т.д.

Таким образом, происходит противопоставление мотивов *«человека экономического»* взглядам *«человека экономического разумного»*. Термин «разумный» здесь используется как метафора социально-экономической рациональности, ориентирующей человека на выбор пути, выходящего за рамки экономической выгоды, отказ от эгоистической парадигмы, осмысленный выбор общественно полезных действий, гармонизацию базовых социальных ценностей с личными запросами.

Предпочтения такого человека лежат как в экономической области, так и во многом в социальной жизни, личной этической сфере. Здесь отсутствует всеобщий детерминизм. При этом задача, конечно, стоит не в замене «экономической» составляющей, формирующей предпочтения человека, на «социальный» компонент. Эти элементы выступают как взаимно дополняющие части, и одна из прикладных задач предлагаемой модели – найти их гармоничное сочетание.

Обращаясь к истории России, можно отметить, что проблемой социалистической системы стало игнорирование экономической составляющей в поведении людей, а либерально-рыночного этапа развития нашей страны – недооценка ее социальной части. Иными словами, следует иметь в виду, что

усиление социальных элементов не отменяет внимание к свойственному людям рациональному «экономическому поведению» и рыночным взаимодействиям. Что происходит в противном случае, мы видели на примере недавней советской истории. Но все же сегодня более актуальна другая ситуация – замещение социальных связей и рынков исключительно экономическими, что, например, имеет место в отечественном здравоохранении, образовании, науке и т.д. Это, естественно, вызывает отторжение со стороны общества и, как отмечается в (Ерзнкян, 2013), только подталкивает к «дисгармонии в отношении склонности людей и предприятий к взаимодействию, что с неизбежностью приведет к дисфункции социально-экономической системы в целом».

В таком случае содержательной задачей формирования адекватной модели поведения становится определение состава параметров, влияющих на «социальную экономичность» людей, формирующих их предпочтения и поведение, а также установление корректного сочетания таких элементов. При этом, рассуждая о значимости отдельных факторов в сегодняшней России, не стоит забывать о сформировавшихся за советский период традициях общественного поведения, культурных ожиданиях, нравственных ценностях, значительных социальных запросах и надеждах. Все это, конечно, следует учитывать, рассуждая о социально-экономическом развитии России.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗУМНОГО»

Основными критериями, которыми руководствуется «человек экономический разумный», осуществляя выбор, по мнению автора, являются не только максимизация экономической выгоды, но и развернутый набор социальных предпочтений, психологических

и иных факторов, влияющих на решения в реальной жизни. Такая модель призвана учитывать поведенческие особенности человека, его личные этические нормы, психологические требования, влияние социальных институтов, административных норм, интернализированных ролевых ожиданий. Совокупность данных параметров с учетом различной значимости для конкретного индивидуума их отдельных составляющих и будет определять приоритеты его выбора и формировать решения¹⁰. Настоящий вариант экономического поведения можно с учетом сложившейся в экономической науке терминологии определить как «слаборациональный»¹¹.

В результате формирование поведенческой модели экономического индивидуума, руководствующегося слаборациональными предпочтениями, ориентированными на здравые и близкие человеку мотивы, может стать разумным основанием развития общества, его социально ориентированного становления. Такая модель в существенной степени близка концепции человека институционального. Однако в данном случае пространство экономических взаимодействий формируется не только совокупностью институтов, но и набором социальных, когнитивных, психологических, нравственных и эмоциональных факторов; в такой модели учитывается также конвенциональное поведение людей, наличие у них индивидуальных фреймов.

Исходными факторами, критическими параметрами, определяющими выбор индивидуума, формирующими набор его слаборациональных предпочтений, в таком случае будут следующие отмеченные выше критерии:

- нормы экономически рационального поведения;

- социальные и хозяйственные институты, административные нормы, иные формальные правила;

- нормы конвенционального поведения, обычаи, привычки, склонность к определенным видам и способам реакции;

- нравственно-этические нормы, в том числе религиозные взгляды;

- персональные нормы, наличие индивидуальных фреймов, психологических, поведенческих и эмоциональных особенностей.

В зависимости от значимости указанных факторов будут меняться характер и степень рациональности принимаемых экономическим субъектом решений. Так, при постулировании норм экономической результативности будет доминировать полная и ограниченная рациональность, а при увеличении роли институциональных факторов, поведенческих и этических норм – слабая форма, менее ориентированная на поиск экономически лучшего решения, но учитывающая запросы институционального и социального окружения, потребности конкретного индивидуума.

Таким образом, в предлагаемом подходе обращается внимание на целесообразность учета развернутого и комплементарного состава слаборациональных предпочтений, составляющих акторов отказываться от части экономически рациональных действий из-за их несоответствия сложившимся внешним и внутренним нормам и индивидуальным установкам. При этом каждому субъекту будет соответствовать свой состав слаборациональных предпочтений, т.е. свои веса (важность) отдельных элементов, уникальных для каждого лица. Но на их формирование в любом случае влияет сложившийся институциональный фон, он же будет задавать значимость отдельных компонентов предпочтений, например по закону или по совести, общественный или личный, социальный или экономический. Именно внешнее окружение подталкивает человека выбирать то или иное решение.

Человек, руководствующийся таким слаборациональным поведением, будет одновременно оценивать (сопоставлять) относи-

¹⁰ Различные варианты слаборациональных предпочтений и механизмы их воздействия на индивидуумов подробно рассмотрены в (Жданов, 2016).

¹¹ Так, Оливер Уильямсон (Уильямсон, 1993) выделял три формы рациональности: сильную (предполагающую максимизацию), полусильную (ограниченную) и слабую (органическую, процедурную).

тельную значимость отмеченных критериев. В результате при доминировании институциональных запросов, конвенциональных норм, психологических установок, привычек и желаний, расходящихся с традиционными нормами рациональности, индивид будет поступать, ориентируясь не только на повышение весомости экономических результатов, но и на соответствие своих действий требованиям, близким ему лично и обществу в целом.

Практическое применение указанного подхода предполагает, помимо определения факторов, влияющих на решения индивида, т.е. размерностей, формирующих пространство его возможных действий, также и установление мер и действий для создания разумных, общественно полезных норм, регламентирующих область допустимых решений.

Отсюда важной задачей использования предлагаемой модели становится задание корректных норм экономического поведения, введение тех самых ограничений, обеспечивающих здравые и общественно полезные границы выбора. Определение указанных ограничений выступает в качестве инструмента формирования модели поведения субъекта, подталкивает его выбирать «правильные» решения. Подобная возможность в то же время представляет большой соблазн для манипулирования его поступками, формирования желаемой, но не всегда разумной модели поведения. Такую картину, как многие помнят, можно было отчетливо наблюдать в недавнем советском прошлом, в частности, при формировании облика строителя коммунизма, воспитании его запросов.

Стоит также учитывать, что нормативы экономического поведения формируются не только на национальном уровне, но и в рамках отдельных корпоративных практик, традиций, устанавливаемых компаниями для повседневной деятельности своих работников.

Порядок организации указанных общественно полезных норм является предметом отдельного исследования. В данной работе автор хотел остановиться не столько на определении механизмов их формирования или

количественной фиксации, сколько на *постановке данной проблемы*, включении в научное исследование самой задачи формирования соответствующей институциональной среды и морально-этического контекста. Конкретные же решения, связанные с определением необходимых норм, следует с учетом их важности принимать в рамках общественного консенсуса, в сотрудничестве всех заинтересованных сторон, в результате их совместной целеориентированной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благосостояние граждан страны, их удовлетворенность своим положением определяются, с одной стороны, уровнем экономического развития государства, а с другой – наличием социально ориентированного окружения, уровнем развития общественной среды. В данной связи одним из факторов устойчивого поступательного роста является координация задач экономического и общественного развития страны с индивидуальными целями, стоящими перед ее гражданами.

В соответствии с традиционным взглядом человек, осуществляя свои экономические решения, выбирает вариант действий, приносящий ему наибольшую выгоду. При всех достоинствах такой подход не позволяет учитывать многочисленные факторы (от институциональных до психологических), воздействующие в реальной жизни на экономический выбор.

Альтернативой экономической эффективности и реализующей ее модели «человека экономического» может стать модель так называемого человека экономического разумного, ориентированного на социальную экономичность, повышение результативности общественных связей, в том числе на базе личной самоидентификации и самореализации. Экономическое поведение «человека разумного» задает траекторию его поступков, ори-

ентированную на выбор решений, учитывающих возможности личного экономического успеха в контексте общественной эффективности, снижения издержек социума, разумных норм потребления и нагрузки на среду. Оно направлено на повышение коллективной эффективности и постепенное решение за счет отмеченных инструментов социально-экономических проблем страны, обозначенных в начале статьи.

Список литературы

- Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход. Истоки. Вып. 4. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. К общей теории социальной экономики // Труды научного семинара «Неизвестная экономика». Вып. 6. М.: ЦЭМИ РАН, 1998.
- Долженков А. Куда ведет трампономика // Эксперт. 2017. № 11. С. 31.
- Ерзнкян Б.А. В пространстве рыночных и нерыночных взаимодействий: индивидуальные, организационные и национальные отличия // Экономическая наука современной России. 2013. № 3 (62). С. 37–58.
- Жданов Д.А. Пространство слаборациональных предпочтений: индивидуальные и национальные особенности // Экономическая политика. 2017. № 4.
- Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 42.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 02.06.2017 г.

MODEL OF BEHAVIOR OF THE ECONOMIC PERSON IN THE CONTEXT OF PUBLIC EFFECTIVENESS

D.A. Zhdanov

Zhdanov Dmitry Alekseyevich, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, djhdanov@mail.ru

One of the factors determining the steady progressive growth of the state is the coordination of the tasks of the country's economic and social development with the individual goals facing its citizens. In accordance with the traditional view, an individual, when solving economic problems, chooses the option of actions that brings him the greatest benefit. However, such an approach does not take into account the numerous factors (from institutional to psychological) that affect the real choice. The author proposes to expand the classical view, as well as to analyze additional factors influencing the economic behavior of an individual, which allow directing the individual's activity to a socially useful channel. For this purpose, a model of behavior aimed at socio-economic efficiency has been proposed, which provides for a reduction in transaction costs (in broad meaning), and is aimed at increasing public performance, allowing to shift the focus from economic efficiency to social cost-effectiveness. In the model under consideration attention is paid to the impact of the social ambience, institutional and socio-economic environment on the behavior of an individual. Such an environment is capable of directing decisions made by an individual not only to increase consumption and maximize economic benefits, but also to self-restraint and the desire for self-identification, as well as the coordination of individual behavior with the requirements and norms of society. It is noted that the proposed model of economic behavior sets the streamline of actions, focused on the choice of solutions that take into account the possibility of personal economic success in the context of public efficiency, reducing the outlays of society, reasonable consumption norms and the burden on the environment. The model is aimed at increasing collective efficiency and gradually solving social and economic problems of the country on the whole at the expense of the mentioned tools.

Keywords: «home economicus», model of economic behavior, low rationality, public efficiency.

JEL: A13, B52.

References

- Bekker G. (2000). Crime and punishment: An economic approach. Istoki, vol. 4. Moscow, HSE (in Russian).
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (1998). The General theory of social economy. Trudy nauchnogo seminarara «Neizvestnaya ekonomika» [Proceedings of the scientific seminar «Unknown economy»], vol. 6. Moscow, CEMI RAS (in Russian).
- Dolzhenkov A. (2017). Where does trumponomica lead? *Ekspert* [Expert], no. 11, p. 31 (in Russian).
- Erznkryan B.A. (2013). In the space of market and non-market interactions: individual, organizational and national differences. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (62), pp. 37–58 (in Russian).
- Zhdanov D.A. (2017). Space sub rational preferences: individual and national characteristics. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], no. 3 (in Russian).
- Willamson O.I. (1993). Behavioral prerequisites for modern economic analysis. *THESIS*, vol. 3, p. 42 (in Russian).
- Fukujama F. (2004). End of history and last person. Moscow, AST, Ermak (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Manuscript received 02.06.2017